

В княжеском доме, под сенью небесного двора, быть слугой — дело нешуточное, требующее предельной осторожности в каждом действии. Если бы такая, как Цзи Сы, совершила серьёзную ошибку, и сверху приказали бы отрубить ей руку или ногу, разве не зародила бы это ненависть среди слуг? Держать такую рядом, прислуживающей тебе, — это не только риск, но и угроза для жизни самого хозяина, который может даже не узнать, как погибнет.

Правда, оставить её рядом — всё равно что не то воспитывать слугу, не то почитать как предка.

Однако... Цинь Цзюнь не могла избавиться от слабой надежды. Она думала, что все эти годы Цзи Сы жила в страданиях и никогда не была предана Матушке Фан, так что и речи о дружбе между хозяином и слугой быть не могло... К тому же Цзи Сы родилась в аду, и Цинь Цзюнь, читая об этом, испытывала к её судьбе сочувствие.

Поэтому Цинь Цзюнь всё ещё колебалась, как поступить с Цзи Сы. Если та окажется преданной, то станет острым мечом в её руках. Если же нет — будучи старшей принцессой враждебного государства Западный Цзян, она превратится в скрытое оружие, нависающее над головой в час сна.

Сяо Таоцзы открыла дверь, и слуги внесли вёдра с горячей водой, выливая их в деревянную купель.

Цинь Цзюнь, одетая в тонкую рубашку, подошла, сняла её и погрузилась в воду. Теплота растворила усталость в мышцах, и она с облегчением выдохнула.

Цзиньсю держала ковш и вместе с Сяо Таоцзы поливала Цинь Цзюнь водой с двух сторон:

— Если не убивать, тогда отослать в усадьбу. С глаз долой — из сердца вон.

Отослать? Это и вовсе не годилось. Цинь Цзюнь даже не рассматривала такой выбор.

Она боялась, что люди из Цзян, разыскивающие Цзи Сы, найдут и увезут её. И тогда та вернётся на родину, начнёт мстить и поведёт войска на Цинь-Чжоу, повторяя прошлые события.

Цинь Цзюнь закрыла глаза и погрузилась под воду, тихо вздохнув. Похоже, придётся разочаровать шестую принцессу, прожившую эти годы.

Сцены сражений, братоубийственных распрей, прыжка шестой принцессы с городской стены, где она своей кровью и костями почтила память сотен тысяч героев Великого Цинь-Чжоу, мелькали перед глазами, словно кадры из калейдоскопа.

А она, не решаясь на решительные действия, лишь навлекала на себя беды.

Внезапно Цинь Цзюнь резко вынырнула из воды.

— В военных походах и сражениях самое страшное — когда приказы не доходят или меняются к вечеру.

Цинь Цзюнь решила:

— Оставлю Пинь-нян рядом, пусть прислуживает мне.

Цзиньсю глубоко взглянула на Цинь Цзюнь, подумав про себя: «Так я и знала».

— Слушаю.

Цзи Сы лениво облокотилась на подоконник, наблюдая за рассказчиком в таверне. В последнее время он повествовал о «ветреном учёном и прекрасной куртизанке».

Рассказчик постучал деревянной пластиной и, качая головой, произнёс:

— Та куртизанка, однажды пав, навеки ошиблась, позволив учёному обмануть себя: и богатства лишилась, и чести. В конце концов он женился на княжне в Верхней столице, добился успехов на службе, но забыл о той несчастной, что отдала все свои сбережения, чтобы выкупить себя на волю.

История была банальной, но слушателей собралось немало. В зале то и дело раздавались возмущённые крики. Мужчины ругали учёного, называя его неблагодарным и вероломным, а затем, с гордостью подняв головы, бросали взгляды на Цзи Сы и выкрикивали:

— Девушка, твой господин, наверное, тоже не заботится о тебе?

Цзи Сы лениво подпирала щеку, не отводя взгляда.

— Девушка, раз твой господин так жесток и неблагодарен, иди ко мне, я возьму тебя в наложницы, хорошо?

— Да ты совсем без стыда! Такая красавица — и в наложницы к тебе!

Бухгалтер за стойкой, перебирая счёты, посмотрел на Цзи Сы, затем на переполненный зал, фыркнул и усмехнулся. Раньше, когда в таверне «Тунфу» не было Цзи Сы, многие гости, слушая эту историю, ругали куртизанку, называя её неблагодарной и обвиняя в том, что она мешала карьере учёного.

Вдруг вошёл слуга с полотенцем на плече:

— Хозяин! Хозяин!

Хозяин вышел из заднего двора:

— Что случилось?

Слуга громко сказал:

— У ворот стоит лошадь, без упряжи и повозки, неизвестно чья, и не уходит.

Хозяин, спуская рукава, пошёл за слугой:

— Лошадь? Какая лошадь?

Слуга ответил:

— Вся вороной масти, шерсть лоснится, как шёлк, но с множеством ран...

На втором этаже Цзи Сы повернула голову, словно что-то вспомнив.

Хозяин вышел со слугой и увидел мужчину в короткой куртке, который тянул за хвост вороного коня. На улице собралось несколько зевак, указывая на него пальцами.

Мужчина, запыхавшись, тащил лошадь, но та не двигалась с места, лишь лениво приподняла заднюю ногу и щёлкнула губами, оставив взрослого мужчину бессильным.

— Эй, ты что делаешь! — крикнул слуга, подбегая и отгоняя мужчину.

Тот, вытирая пот, завопил:

— Какое тебе дело? Я свою лошадь веду!

— Да брось ты! У лошади нет уздечки и седла, с чего это вдруг твоя? — парировал слуга.

Мужчина самодовольно выпрямился:

— Нет упряжи, но это не значит, что она твоя. Тебе-то что?

Слуга:

— Ты...

Хозяин, увидев это, махнул рукой:

— Ладно, пусть забирает, не мешай ему. Надо делами заниматься.

Мужчина, ещё более ободрённый, закатал рукава, готовясь возобновить борьбу.

— Его зовут Сюань Чжи.

Внезапно в дверях появилась женщина в меховой накидке.

Слуга и хозяин обернулись:

— Девушка.

Цзи Сы кивнула и сказала мужчине:

— Это моя лошадь.

Мужчина, увидев Цзи Сы, усмехнулся:

— Ну да, конечно, моя лошадь вдруг всем понадобилась!

Слуга плюнул:

— Да с чего это она твоя?

Мужчина:

— А твоя? У тебя есть доказательства, что это твоя лошадь?

Когда спор уже готов был разгореться с новой силой, Цзи Сы слегка тронула губы:

— Иди сюда.

Лошадь покачала хвостом, вырвав его из рук мужчины, затем, подняв заднюю ногу, сбила того с ног и послушно зашагала в сторону Цзи Сы. Лошадь, которую до этого никто не мог сдвинуть с места, слушалась только Цзи Сы — и вопрос о том, кто её хозяин, был решён.

Мужчина, красный от стыда и злости, лежал на земле и кричал:

— Твоя лошадь меня ударила! Ты не можешь просто так уйти!

— Ц-ц-ц...

Вокруг раздались насмешливые возгласы. Цзи Сы даже не взглянула на мужчину, лишь провела рукой по рукаву и, щёлкнув пальцами, бросила ему в лоб кусочек серебра.

Мужчина ахнул, хотел было продолжить ругаться, но, увидев серебро, упавшее на его одежду, лишь пробормотал что-то невнятное, поднялся и ушёл.

Цзи Сы сказала слуге:

— Отведи её на задний двор, дай сена и воды, и найди ветеринара.

Слуга, до этого ошеломлённый, наконец пришёл в себя:

— А... Да, слушаюсь.

Хозяин, почуяв, что Цзи Сы — не простая женщина, поспешил добавить:

— Я сам отведу лошадь! Эй, кто-нибудь, найдите ветеринара!

— Благодарю.

Цзи Сы кивнула и поднялась вверх.

Приближался Новый год, и из всех провинций в столицу потянулись вереницы карет и повозок. Народ каждый день собирался у городских ворот, разглядывая длинные процессии. По иероглифам на фонарях определяли, из какой области или княжества прибыли гости, а по количеству повозок и их роскоши судили о том, насколько богатым был урожай и сколько налогов собрали.

Большая часть этих повозок везла дань в Верхнюю столицу. Местные войска сопровождали караваны, а по прибытии в столицу вещи отправлялись в Государственную казну, а сами войска вливались в городскую охрану, подчиняясь центральному командованию. Таким образом, и дань, и люди переходили в распоряжение центра.

Народ по этим признакам судил, какая провинция принесла больше дани, и, соответственно, у кого больше налогов, у того и больше власти и богатства в столице.

В последнее время, наблюдая за этим, люди потом распространяли слухи, и поэтому, когда области приезжали в столицу, скрыть размеры дани было почти невозможно. Провинции также использовали это как способ соперничества — скрытого и явного.

Чертог Ядра Феникса также получил множество ценных подарков от князей, прибывших на новогодние торжества, и их, словно воду, несли в княжеские хранилища.

Ночью в княжеском хранилище загорелась медная лампа. Всю комнату озарял свет, который постоянно менял своё положение.

Сяо Таоцзы держала лампу, и каждый раз, когда Цинь Цзюнь меняла позу, она направляла свет прямо на неё.

Цинь Цзюнь, сидя на ящике с золотом, перебирала учётные книги хранилища, под которыми лежали списки подарков от разных домов и семей.

За пределами хранилища слуги продолжали пересчитывать вещи, и после завершения одной партии приносили следующую.

Цинь Цзюнь, глядя на золото, драгоценности, антиквариат, картины и старинные книги, не могла не удивиться.

Жаль... Когда Верхняя столица падёт, всё это, вероятно, превратится в мираж, в мыльный пузырь.

Цинь Цзюнь подумала и сказала Цзиньсю, что хочет обменять эти вещи на деньги:

— Чистый хрустальный алтарь...

<http://bllate.org/book/16274/1465091>